

Болѣзни и врачебная помощь въ эпоху войны 1812 года.*)

Д-ра Е. М. Идельсона.

Вторженіе Наполеона въ Россію, или какъ у насъ привыкли выражаться, нашествіе дванадцати языковъ на Россію, въ 1812 году, безспорно представляетъ собою одно изъ крупнѣйшихъ событій нашей отечественной исторіи. Поэтому, въ виду наступленія столѣтняго юбилея въ память этого важнаго историческаго момента, невольно рождается извѣстная потребность воскресить и возстановить еще разъ въ нашей памяти разнообразныя факты и явленія этой многознаменательной эпохи. Невольно, говорю я, является потребность подвергать различныя условія этого грандіознаго событія нѣкоторому разбору и освѣщенію съ точки зрѣнія нашихъ современныхъ, болѣе усовершенствованныхъ и болѣе культурныхъ понятій.

Факты, о которыхъ буду имѣть честь докладывать въ сегодняшнемъ засѣданіи, относятся, правда, скорѣе къ области общечеловѣческихъ, трудно и медленно разрѣшающихся моральныхъ проблемъ. Но эти факты должны возбуждать особенный, живой интересъ среди насъ, врачей, какъ наиболѣе близко соприкасающихся съ ними.

Я буду говорить о тѣхъ страшныхъ невзгодахъ и бѣдствіяхъ, которыя постигали воевавшія арміи 1812 года, въ формѣ жестокихъ, повальныхъ заболѣваній съ одной стороны, а съ дру-

*) Речь, произнесенная въ годичномъ засѣданіи Общества врачей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ 19 января 1912 г.

гой, о томъ скудномъ, по нашимъ современнымъ понятіямъ, ограниченномъ проявленіи заботливости и попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ этой же кампаніи.

Если знаменитый Пироговъ весьма удачно назвалъ войну травматическою эпидеміей, то къ этому можно смѣло присовокупить еще и то, что массовая травма представляетъ собою лишь только одно звено въ цѣлой цѣпи свирѣпствующихъ во время войны повальныхъ болѣзней. Изъ исторіи различныхъ народовъ и эпохъ уже достаточно извѣстно, что войны и повальные болѣзни всегда неизбѣжно являются неразрывными спутниками. За марширующими арміями обыкновенно слѣдуютъ по пятамъ и повальные заболѣванія, не только среди воюющихъ отрядовъ, но и среди мирнаго населенія. По сдѣланому подсчету цѣлому ряду военныхъ кампаній, за минувшее, уже болѣе культурное, 19-е столѣтіе, не взирая на значительное усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія, всетаки выходитъ, что съ 1796 года по 1865 годъ отъ непріятельскаго оружія погибло 1,500,000, а отъ болѣзней 6,500,000. Такимъ образомъ число жертвъ, погибшихъ отъ болѣзней во время войны, въ 4,3 раза превышаетъ число умершихъ отъ ранъ.

Кромѣ того, при этомъ нельзя также не оговорить, что факты изъ исторіи распространенія повальныхъ болѣзней вообще даютъ намъ наилучшій матеріалъ для оцѣнки тѣхъ или другихъ успѣховъ во врачебномъ мышленіи и врачебной наблюдательности. Въ годину появленія эпидемическихъ болѣзней, охватывающихъ цѣлыя арміи, широкія народныя массы и цѣлыя области, наиболѣе рѣзко выражается степень нравственно-культурной солидарности данной эпохи и наиболѣе выясняется, на сколько примѣнимы къ жизни господствующій въ данное время врачебныя теоріи и воззрѣнія.

Но для того, чтобы нѣсколько ориентироваться при разборѣ свѣдѣній о характерѣ и размѣрахъ заболѣваемости, а также и о санитарныхъ мѣрахъ и о врачебной помощи, которая оказывалась больнымъ и раненымъ кампаніи 1812 года, не лишне будетъ сдѣлать краткій ретроспективный обзоръ того факта, какъ вообще проявлялась помощь больнымъ и раненымъ воинамъ въ болѣе отдаленныя и предшествовавшія 1812 году эпохи.

Въ древнѣйшей книгѣ Веда описывается, что раненые на войнѣ помѣщались въ палаткахъ, снабженныхъ желѣзными кроватями. Каждый врачъ долженъ былъ имѣть при себѣ не мень-

не 127 различныхъ инструментовъ, между которыми былъ также и сильный магнитъ, служившій для извлеченія изъ тѣла раненаго глубоколежащихъ обломковъ стрѣлъ. Если обратимся къ исторіи классическаго міра грековъ и римлянъ, то предъ нами развертывается, на протяженіи многихъ вѣковъ, цѣлый рядъ смѣлыхъ военныхъ походовъ и жестокихъ сраженій, цѣлый рядъ геройскихъ подвиговъ боевыхъ полководцевъ во главѣ своихъ храбрыхъ легионовъ. Доблесть и отвага героевъ, красота поля брани служили заманчивымъ сюжетомъ и предметомъ вдохновенія поэтовъ и народныхъ пѣвцовъ. Личная храбрость и самоотверженіе бойцовъ, при тогдашнихъ способахъ веденія войны, по даннымъ древнихъ писателей возводились на степень величайшей добродѣтели. Правда, громъ ликующихъ побѣдъ сплошь и рядомъ заглушалъ стоны и страданія больныхъ и раненыхъ бойцовъ; но что у грековъ и римлянъ несомнѣнно существовала извѣстная организація помощи больнымъ и раненымъ, можно судить по многимъ отрывочнымъ штрихамъ и намекамъ, разсѣяннымъ въ произведеніяхъ древнихъ историковъ, драматурговъ и прозаиковъ. Кромѣ того періодъ расцвѣта врачебнаго искусства, воплощеннаго въ лицѣ знаменитыхъ Гиппократъ и Галена, также доказываетъ намъ, что арміи классическаго міра не обходились безъ врачебной помощи. Принципы этихъ великихъ врачей, направленные къ облегченію страданій болѣющаго человечества, безъ сомнѣнія, примѣнялись на практикѣ и въ арміяхъ. Указаніе на то, что въ древней Греціи существовали военные врачи, мы встрѣчаемъ въ Иліадѣ Гомера, гдѣ упоминается о врачахъ Махаонѣ и Подалейріи, находившихся въ арміи при осадѣ Трои (пѣсня XI—510—515):

Идоменей той порой Богоравному Нестору молвилъ:

„Несторъ сынъ храбрый Нелея, великая слава Ахейанъ,
На колесницу взойди, Махаонъ станетъ рядомъ съ тобою;
Цѣльнокопытныхъ коней ты къ судамъ устреми поскорѣе:
*Многихъ воителей стоитъ одинъ врачеватель искусный,
Тотъ, кто и стрѣлы извлечь и лекаствомъ посылать умѣетъ*».

Далѣе (въ IV—190—220) поется, какъ Агамемнонъ посылаетъ за Махаономъ, который извлекаетъ стрѣлу, высасываетъ кровь изъ раны и посыпаетъ ее успокоивающимъ зельемъ. Въ пѣсняхъ (XIII—16) разсказывается, какъ Идоменей приводитъ ране-

наго друга къ врачамъ для перевязки ранъ. Позднѣе мы встрѣчаемъ свѣдѣнія о томъ, что законодатель Солонъ заботился объ организации государственной помощи раненымъ воинамъ. Аристидъ упоминаетъ о томъ, что въ Аѣинахъ существовали спеціальныя военныя больницы. По Ксенофонтѣ видно, что существовали военные врачи; такъ напр. описанъ случай, гдѣ врачъ Ктезій лечитъ рану груди у Артаксеркса. У Ксенофонта описывается, что во время похода грековъ въ горахъ, движеніе отрядовъ было приостановлено на три дня для того, чтобы лечить больныхъ и раненыхъ грековъ. Въ Киропедіи разсказывается, что врачебной помощью пользовались и раненые *непріятели*. Въ древней Спартѣ при войскахъ находились наговорщики, врачеватели и флейтисты, которые пользовались гражданскимъ равноправіемъ и жили въ палаткахъ вмѣстѣ съ воинами. Въ книгѣ *Corpus Hippocraticum* 14 глава посвящена военной хирургіи. Въ этой главѣ говорится: что извлеченіе стрѣлъ при городской жизни рѣдко встрѣчается, зато во время похода врачи должны сопровождать войска. Предъ походомъ Алкивіада въ Сицилію въ народномъ собраніи обсуждался вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли послать врача въ эту экспедицію, и Гиппократъ, жившій въ это время въ Аѣинахъ, вызвался послать своего сына.

Гораздо позднѣе явились военно-врачебныя учрежденія въ Римѣ. Трудно допустить, чтобы первоначальная римская республика, при своихъ частыхъ войнахъ, могла обходиться безъ врачей; тѣмъ болѣе, что первые правители римской республики, какъ намъ извѣстно, издавали многіе законы по другимъ отраслямъ, врачебно-санитарнымъ. Существовали же въ эту самую эпоху врачи въ городахъ при театрахъ и циркахъ, равно какъ и при высокопоставленныхъ и богатыхъ особахъ и консулахъ. Въ первоначальномъ періодѣ Римской исторіи врачи находились только при полководцахъ арміи. Вся масса раненыхъ во время боя была предоставлена помощи своихъ товарищей. Каждый воинъ носилъ съ собою перевязочныя средства. Раненые выносились товарищами изъ боевой линіи въ лагерь или въ ближайшій городъ. По свидѣтельству Ливіи видно также, что въ римской арміи существовали такъ называемые *Levites*, легковооруженные воины, на которыхъ возлагалась обязанность заманивать въ началѣ боя противника изъ занимаемой имъ укрѣпленной позиціи, а затѣмъ, когда разгорѣлось настоящее сраженіе, эти авангардные воины отступали и занимались уборкой раненыхъ изъ

боевой линіи. Только лишь со временъ Цезаря организованъ нѣсколько лучшій уходъ за ранеными. Императоръ Августъ учредилъ уже настоящій институтъ военныхъ врачей, сопровождавшихъ войска въ походахъ. Фактъ существованія у римлянъ военныхъ врачей подтверждается также найденнымъ въ Швейцаріи памятникомъ военному врачу 21-го легіона Клавдію Гимносу, а въ Иверсгеймѣ былъ также найденъ камень съ надписью *Medicus Miles*. Въ римской арміи находились медики при всѣхъ родахъ оружія. Въ 7 когортахъ внутренней полицейской стражи (*Vigiles*) было по четыре врача на каждой когортѣ въ унтеръ-офицерскомъ чинѣ. При преторіанскихъ когортахъ (*Cohortae urbanae*) и у тѣлохранителей Императоровъ было по четыре врача. Тоже самое число врачей было при всѣхъ легіонахъ (*Medici legionum*) и при другихъ вспомогательныхъ войскахъ. Медики городскихъ и преторіанскихъ когортъ считались римскими гражданами (*immunes*) свободными отъ податей. Врачи же полицейской стражи не считались истинными гражданами (*liberti et peregrini*). Больные и раненые воины (*Valetudinarii*) размѣщались и пользовались частью въ лагерныхъ палаткахъ, частью въ лазаретахъ. Послѣдніе устраивались влѣво отъ преторіанскихъ воротъ (*Porta praetoria*) въ завѣдываніи особенныхъ начальниковъ (*Tribuni*), а въ гарнизонахъ подъ наблюденіемъ начальниковъ лагеря (*Praefectus castrorum*). Существовала также непосредственная администрація лазаретовъ (*Optiones Valetudinarii*), а также и лазаретные врачи (*Medici Valetudinarii*). Даже больныя лошади римской арміи пользовались уходомъ въ особенныхъ стойлахъ (*Veterinaria*). Устраивались онѣ съ кузницами на правой сторонѣ преторіанскихъ воротъ, вдали отъ лазаретовъ. Для утѣшенія больныхъ и раненыхъ воиновъ полководцы и Императоры (Германикъ, Траянъ, Александръ Северъ) часто посѣщали лазареты. Одѣятельности военныхъ врачей въ царствованіи Императора Траяна можно также судить по изображеніямъ на траянской колоннѣ, гдѣ представлена сцена изъ похода противъ Дацевъ: 2 раненыхъ, одного изъ нихъ поддерживаютъ товарищи, а другому раненому военный врачъ накладываетъ повязку на переломленную ногу. Въ византійскую эпоху римской исторіи во время царствованія Императора Маврикія (582—602), написавшаго сочиненія по военной тактикѣ, были организованы санитарные отряды изъ 10 человекъ на 200—400 наличнаго состава. Санитарнымъ отрядамъ вѣнялось въ обязанность возить съ собою бутылки съ водою и

выносить раненыхъ изъ боевой линіи. Наконецъ, по многимъ найденнымъ надписямъ можно заключить, что въ Византійскую эпоху римской исторіи существовали также и специальные морскіе врачи. Археологическія раскопки, произведенныя въ 1897 году въ старомъ курортѣ Баденѣ, близъ Цюриха, также указываютъ намъ на то, что во времена Римской Имперіи функционировали военные госпитали. Въ мѣстности около Бадена, называемой римской улицей, откопана фундаментальная каменная постройка въ углу между рѣками (Aar и Reuss), въ виду крѣпости, построенной римлянами противъ германцевъ. Въ различныхъ отдѣлахъ этого зданія найдена масса хирургическихъ инструментовъ, аптекарской посуды и много другихъ приспособленій для ухода и леченія больныхъ. По найденнымъ здѣсь надписямъ на монетахъ учрежденіе этого госпиталя должно быть отнесено ко времени царствованія Императоровъ: Клавдія, Нерона и Доминиціана, т. е. къ первому вѣку послѣ Р. Х. Вообще можно сказать, что медицина и въ особенности хирургія достигла у римлянъ довольно высокой степени развитія. Цельсій производилъ ампутаціи, перевязывалъ сосуды и сшивалъ раны для избѣжанія нагноенія. По нѣкоторымъ терракотовымъ рисункамъ, найденнымъ въ Капуа, можно заключить, что тогда производились такія операции, которыя встрѣчаются лишь въ наше время, какъ напримѣръ, удаленіе ребра.

Печальную картину представляетъ собою участь больныхъ и раненыхъ воиновъ въ эпоху, наступившую послѣ распада древней Греко-Римской культуры, на мѣсто которой явилось нашествіе варваровъ, во время великаго переселенія народовъ. вмѣстѣ съ древней цивилизаціей исчезла и древняя медицина и заглохло надолго попеченіе о больныхъ и раненыхъ воинахъ. У германскихъ народовъ, особенно у сѣверныхъ племенъ, помощь больнымъ и раненымъ оказывалась женами и старцами въ тылу отрядовъ, въ Вагенбургѣ. Въ силу тѣхъ суровыхъ нравовъ и той первобытной воинственности, которые господствовали въ народномъ быту, сама *перевязка* ранъ, получавшихся на войнѣ, считалась даже обидой и оскорбленіемъ, какъ видно изъ Германской саги о ранахъ:

„Рана для Викинга словно находка,
Когда украшаетъ его грудь и чело;
Пускай кровь сочится, не надо до утра повязки,
Иначе не жди отъ насъ привѣта и ласки.

Эта народная черта, воспѣтая въ древнихъ германскихъ сагахъ и сказаніяхъ, сохранялась въ среднихъ вѣкахъ довольно долго, можно сказать, до появленія на историческомъ горизонтѣ ландскнехтовъ, придававшихъ арміямъ характеръ наёмничества и продажности. Здѣсь, впрочемъ, необходимо также оговорить, что врачебная помощь, которая оказывалась воинамъ въ періодъ среднихъ вѣковъ, отчасти соответствовала и гармонировала съ духомъ и характеромъ тогдашняго войска, которое отличалось во всѣхъ европейскихъ государствахъ крайне дурными качествами. Составленные изъ самыхъ необузданныхъ наемниковъ и подонковъ населенія, ратные люди прежнихъ временъ оставляли на своихъ маршахъ, даже и въ своемъ отечествѣ, глубокіе слѣды безчинства и насилія, обнаруживали весьма зловредныя инстинкты и въ теченіе весьма продолжительнаго времени находились во главѣ европейскаго разврата. Наемные ландскнехты, служившіе въ различныхъ арміяхъ, давали массу дезертировъ. Военнымъ наемникамъ этой мрачной эпохи было, по выраженію военнаго историка Рюстова, совершенно чуждо и непонятно чувство долга, и они не задавались вопросомъ, за какую націю, за какую страну, за какое дѣло и во имя чего собственно они сражаются. Художественный стихъ Шиллера весьма мѣтко выразилъ, въ словахъ егеря Валленштейновскаго лагеря, духъ и настроеніе средневѣковаго воина:

„Сзади насъ нѣтъ ни кола, ни двора,
Все истребимъ, разоримъ, опрокинемъ,
А потому, что такая пора,
Дѣло военное пахнетъ добычей,
Тутъ не до жалости, не до приличій...“

Неудивительно, что въ такую эпоху и при такихъ нравахъ, помощь больнымъ и раненымъ воинамъ получала особенную мрачную окраску и выражалась въ формѣ слѣдующихъ фактовъ. При осадѣ Гройнингена, въ Нидерландской провинціи, былъ отданъ приказъ командующаго отрядомъ покончить со всѣми тяжелоранеными и больными, въ цѣляхъ уменьшенія заботъ по леченію и уходу за ними. Главнокомандующій итальянской арміи при Карлѣ 5-мъ, Маркизь де-Пескара, завоеватель Майланда, какъ радикальную мѣру противъ распространенія въ его арміи болѣзней, отдалъ приказъ по войскамъ, чтобы всѣ солдаты, которые лишены маршевой способности, были живо похоронены.

ны. Не лучше было обставлено дѣло помощи больнымъ и раненымъ воинамъ при феодальномъ рыцарствѣ. Правда, на помощь булату явилось и золото. Богатые феодальные князья, воевавшие всю жизнь, окружали себя большой свитой, въ которой, кромѣ оруженосцевъ и каплановъ, были тоже и наемные цирульники и хирурги; но услугами этихъ хирурговъ пользовались одни только раненные изъ знатныхъ рыцарей. Непріятель также больше щадилъ рыцарей, въ ожиданіи получить за нихъ хорошій выкупъ. Знаменитый хирургъ Амброазъ-Парэ участвовалъ въ 4-хъ войнахъ, но находился только при царскихъ особахъ, при Генрихѣ II, Францѣ II, при Карлѣ IX и Генрихѣ III. Изъ оставленныхъ имъ сочиненій видно, что врачи-хирурги существовали только при князьяхъ и полководцахъ; низшій персоналъ въ арміи не имѣлъ врачей. Вся же масса подданныхъ и наемниковъ, будучи ранена, валилась на полѣ битвы въ страшныхъ мученіяхъ, не встрѣчая никакого состраданія и сожалѣнія, была предоставлена случайностямъ и произволу разныхъ знахарей и шарлатановъ и становилась предметомъ добычи для мародеровъ и бродягъ. При Ришелье, во Франціи была устроена на войнѣ якобы подвижная помощь больнымъ и раненымъ; но объ этой помощи можно себѣ составить приблизительное понятіе по содержанію одного декрета, изданнаго въ 1638 году: при каждой арміи должны находиться 6 іезуитовъ, 4 священника, 1 поваръ и 5 къ нему помощниковъ, 1 хирургъ и 1 аптека. Іезуиты имѣли въ своемъ распоряженіи 2 повозки съ пищевыми припасами, между которыми находились 6 барановъ. Іезуиты должны были заботиться о приготовленіи супа больнымъ и объ отпущеніи грѣховъ раненымъ, находящимся при смерти. Насколько сама хирургическая наука могла процвѣтать въ періодѣ мракобѣсія и варварства среднихъ вѣковъ, можно также отчасти судить по слѣдующему факту. Извѣстный военный врачъ Питара, состоявшій при Людовикѣ святомъ и сопровождавшій его во время крестоваго похода, возмущался дѣятельностью тогдашнихъ странствующихъ базарныхъ хирурговъ и въ 1271 году учредилъ въ Парижѣ хирургическую коллегію, гдѣ всѣ хирурги для права практики должны были подвергаться испытанію. Но эта коллегія не имѣла наравнѣ съ медицинскимъ факультетомъ церковной санкции, потому что она не давала никакихъ богословскихъ знаній; и папа Иннокентій 3-й издалъ эдиктъ, по которому окончившіе въ медицинскихъ

школахъ должны были давать присягу, что они никогда не будутъ заниматься хирургіей, такъ какъ *Ecclesia abhorret sanguinem*.

Учредитель постоянныхъ армій въ Европѣ тщеславный Людовикъ XIV, хотя устраивалъ и домъ инвалидовъ и военные госпитали, но при этомъ больше заботился о внѣшнемъ блескѣ, чѣмъ о положеніи больныхъ, участь которыхъ была также печальна и грустна, какъ и при его предшественникахъ; да и порядки въ этихъ госпиталяхъ были настолько неприглядны, что они, по отзывамъ современниковъ, назывались *складами костей*. Не вдаваясь въ подробное изложение и характеристику, можно сказать, что за весь періодъ среднихъ вѣковъ, до конца 18-го столѣтія, мы не имѣемъ свѣдѣній о существованіи какой либо правильной организации помощи больнымъ и раненымъ въ европейскихъ арміяхъ. Даже и такой выдающийся дѣятель въ боевомъ искусствѣ, какъ Фридрихъ великій, также не особенно дорожилъ жизнью больныхъ и раненыхъ своей арміи. Фридрихъ великій, правда, написалъ длинные французскіе стихи объ ужасахъ поля брани и одинъ разъ онъ даже отдалъ раненому солдату свой карманный платокъ для перевязки раны; но при немъ существовалъ тотъ же порядокъ, что до конца сраженія не имѣли права приступать къ уборкѣ раненыхъ и предварительно, до уборки раненыхъ, по существовавшему обычаю продѣлывали такъ называемую *побѣдную* стрѣльбу (*Victorialschüsse*). Если сраженіе затянулось до вечера, то обыкновенно раненые оставались на полѣ битвы до слѣдующаго дня безъ всякой помощи. Такъ напримѣръ, во время семилѣтней войны, послѣ боя подъ Торгау, 9740 раненыхъ пролежали въ холодную ноябрьскую ночь подъ открытымъ небомъ, въ болотистой мѣстности, безъ одежды и безъ всякой помощи. Со стороны австрійцевъ, послѣ этого же боя, было около 3000 раненыхъ, которые въ теченіе 6 дней, по отдаленности госпиталей, перевозились съ мѣста на мѣсто безъ всякой пищи и безъ всякаго врачебнаго пособія.

У насъ въ Россіи военно-врачебная организація имѣла приблизительно такое же историческое теченіе, какъ въ западно-европейскихъ арміяхъ, и то лишь только современъ Петра Великаго. Въ войскахъ допетровскаго періода, повидимому, не было никакихъ намековъ на потребность въ какой либо военной санитаріи. Изъ лѣтописи Никона, приведенной Рихтеромъ, видно, что при Борисѣ Годуновѣ, въ смутное время самозванца, между русскими солдатами при осадѣ города Кромъ явился эпидемиче-

скій кровавый поносъ, отъ котораго было много больныхъ и умирающихъ. Такъ какъ въ это время при войскахъ не было еще лекарей, то Борисъ Годуновъ, получая извѣстiе объ упомянутой болѣзни, послалъ туда нужныя лекарства, по совѣту жившихъ тогда въ Москвѣ медиковъ. Хотя по архивнымъ свѣдѣнiямъ, собраннымъ Змѣевымъ, видно, что еще въ 15 столѣтiи сочиненiя Гиппократъ и Галена проникли черезъ арабскихъ и греческихъ врачей въ Россiю и были будто бы переведены монахами, но свѣтскихъ врачей, кромѣ знахарей, не было. При осадѣ Троицко-Сергiевской лавры поляками, въ началѣ 17-го вѣка, больные и раненые лечились монахами. Врачебное дѣло въ этомъ періодѣ находилось въ вѣдѣнiи духовенства и монастырей, которые въ свою очередь вели ожесточенную борьбу съ волхованиемъ и кудесничествомъ, укоренившимися въ народѣ со временъ язычества. При царѣ Михаилѣ Федоровичѣ былъ посланъ полковникъ Генрихъ фонъ-Даммъ въ Германiю для набора цѣлаго полка изъ 1600 ч., въ штатѣ былъ намѣченъ и лекарь; но это распоряженiе *de facto* долго не было осуществлено, вслѣдствiе недостаточной организации самой армiи.

Такъ напримѣръ, въ актахъ архива Московскаго Государства имѣются весьма любопытныя свѣдѣнiя, довольно ярко рисующiя намъ состоянiе дѣйствующей армiи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ этихъ актахъ существуетъ цѣлый рядъ документовъ, говорящихъ о тѣхъ затрудненiяхъ, которые встрѣчались Московскимъ правительствомъ при собиранiи и формированiи полковъ даточными людьми. Населенiе „чинилось сильно“ и не давало даточныхъ въ теченiе нѣсколькихъ лѣтъ. Что же касается тѣхъ даточныхъ, которыхъ удавалось собирать, то Московское правительство не могло разсчитывать, что оно полностью сможетъ воспользоваться произведенными наборами, такъ какъ собранные даточные были *легки* на побѣгъ. Бѣгство собранныхъ даточныхъ принимало весьма внушительныя размѣры. Такъ напримѣръ, извѣстно, что въ 167* году, въ Новгородской области, тотчасъ послѣ набора, даточные разбѣжались полностью, а изъ тѣхъ 51000 даточныхъ, которые были собраны въ Костромской чети за три года, побѣжали, по разсчету приказа, около 9300. Даточные бѣгали не только до размѣщенiя ихъ по полкамъ, но и послѣ размѣщенiя, иногда даже съ поля сраженiя. Характеристику состоянiя армiи въ эту эпоху находимъ въ сказкѣ боярина и воеводы князя Бориса Александровича

* 1659 нашего лѣтосчисленiя.

Рѣпина о ратныхъ людяхъ его новгородскаго полка. „Конница, говорится въ этой сказкѣ, новгородскаго разряда, по причинѣ своей старости и дряхлости непригодныхъ, что ихъ можно было взять не въ конный, а въ пѣшій строй, и то „по нужѣ“. Казаки худы, воры, вездѣ малооружность и малоконность. Безконныхъ было чуть-ли не добрая половина всей конницы. Не лучше была и пѣхота. По словамъ Рѣпина, всѣ солдаты изъ даточныхъ состояли изъ *старыхъ, увѣчныхъ и худыхъ* людей. Главной причиной этого явленія служили злоупотребленія мѣстной областной администраціи и мѣстныхъ воеводъ. Ища себѣ прибыли, какъ говорятъ документы, воеводы набирали и посылали въ полки самые *негодные* элементы населенія. Это было прибыльно для нихъ и желательно для населенія. Сплавъ негодныхъ людей въ полки особенно практиковался въ монастыряхъ и среди духовенства Новгородской области. Главная причина колоссальнаго бѣгства солдатъ заключалась въ крайне плохомъ содержаніи полковъ. Во многихъ документахъ этого времени имѣются указанія, что солдаты часто помирали съ голода, а остальные „бредли врознь отъ хлѣбной скудости“.

13-го февраля 1661 года стрѣльцы и солдаты били челомъ на Могилевскихъ мѣщанъ: „Въ нынѣшнемъ, во 169* году, по твоему указу велѣно намъ быть на службѣ въ Могилевѣ городѣ, а твое жалованье, кормы, мѣдныя деньги, и въ Могилевѣ мѣщане мѣдными деньгами не торгуютъ и не емлютъ у насъ мѣдныхъ денегъ за хлѣбъ и за всякій харчъ и за одежное, и мы отъ ихъ мѣщанъ отъ такого бунтовства въ конецъ погибаемъ голодной смертью (А. М. Г. 3 № 338). Тоже самое было и на Бѣлой.

Въ извѣстіяхъ кievскаго университета за 1910 годъ (№ 7) опубликованъ Сташевскимъ архивный актъ, въ которомъ помѣщена подробная смѣта военныхъ силъ Московскаго Государства за 1663 годъ, гдѣ перечисляется составъ всей русской арміи, равно какъ и стоимость содержанія всѣхъ частей и отдѣльныхъ начальныхъ людей и солдатъ. Перечисляются пушкаріи, конейщики, сторожа, кузнецы и обозные люди. О какомъ нибудь расходѣ по врачебному дѣлу въ этой смѣтѣ не упоминается. Такимъ образомъ, если на военную службу посылались старые, дряхлые и увѣчные люди, да еще одни и тѣже негодные къ службѣ по нѣскольку разъ, то само собою разумѣется, что о сбереженіи здоровья и о леченіи солдатъ и рѣчи не могло быть.

* 1661 нашего лѣтосчисленія.

Съ воцареніемъ Петра Великаго, въ ряду всѣхъ его культурно-просвѣтительныхъ начинаній было также обращено особенное вниманіе на водвореніе въ Россіи правильной врачебно-санитарной помощи арміи и населенію. Были устроены впервые военно-сухопутные и морскіе госпитали, и при нихъ медицинскія школы, аптеки, ботаническіе огороды и тому подобныя учрежденія. За періодъ времени, съ 1682 до 1699 года выписаны изъ заграницы 11 докторовъ, 87 лекарей, 1 глазной врачъ и 9 аптекарей. Во всѣхъ распоряженіяхъ Петра 1 го вообще было замѣтно стремленіе создавать въ Россіи правильную военно-врачебную организацію, по образцу западно-европейскихъ государствъ, какъ видно изъ тридцати третьей главы воинскаго артикула, гдѣ гласитъ слѣдующее: П. 1. О докторѣ (Vom Doctore oder Feld-Medico). Надлежитъ при войскахъ, особливо при вышнихъ генералахъ, полевого доктора имѣть, который не токмо въ медицинѣ (докторствѣ) доброе основаніе и практику имѣлъ, но дабы трезвымъ, умѣреннымъ и доброхотнымъ себя содержалъ и въ нужномъ случаѣ чинъ свой, какъ ночью, такъ и днемъ надлежащимъ образомъ написаніемъ рецептовъ и учрежденіемъ лекарствъ отправлять могъ. Въ п. 3 говорится о штабъ-лѣкарѣ: зѣло потребно быть при войскѣ искусному штабъ-лѣкарю, ибо, когда жестокія акціи, баталіи и осады случатся, много раненыхъ солдатъ бываетъ, и надлежитъ ему вышнимъ офицерамъ, ежели у кого рука или нога острѣлится всегда первый разъ завязать, понеже отъ того наивящее зависитъ и прочіе лѣкаря въ завязаніи ранъ по тому поступаютъ.

Устройство первыхъ госпиталей носило также характеръ военныхъ учреждений; такъ какъ вообще первая иностранная медицина, перенесенная въ Россію, обслуживала главнымъ образомъ придворныя сферы, высокопоставленныхъ, служилыхъ и ратныхъ людей. Конечно, при такомъ быстромъ экзотическомъ, такъ сказать, насажденіи культурныхъ учреждений, находившихся еще при томъ, въ вѣдѣніи чужого, пришлаго персонала, незнавшаго ни языка, ни жизни, ни характера русскаго солдата, трудно было ожидать какихъ нибудь видимыхъ, плодотворныхъ результатовъ въ дѣлѣ организаціи военной медицины. Просматривая 3-хъ томную исторію медицины въ Россіи В. Рихтера, мы находимъ тамъ обильное число жизнеописаній разныхъ иностранныхъ врачей, но эти описанія составлены скорѣе въ духѣ бюрократическихъ формулярныхъ списковъ, безъ всякой критической оцѣнки дѣятельности и продуктивности этихъ вра-

чей, занимавшихъ довольно видные административные посты. Извѣстный всѣмъ нашимъ врачамъ профессоръ Я. Чистовичъ, работавшій изо дня въ день, въ теченіе 9 лѣтъ, въ архивахъ по исторіи отечественной медицины 18-го столѣтія, пришелъ къ неблагоприятнымъ выводамъ и даетъ весьма неблагозвучный отзывъ о дѣятельности первыхъ врачей, приглашенныхъ къ намъ съ запада. Изъ составленнаго имъ ряда біографическихъ очерковъ тогдашнихъ врачебныхъ дѣятелей видно, что эти выходцы по протекціи и рекомендаціи различныхъ западныхъ властителей, бургомистровъ и другихъ служилыхъ людей и знатныхъ иностранцевъ пріѣзжали въ Россію ради своихъ личныхъ интересовъ и выгодъ. Въ погонѣ за титулами и подарками, которые раздавались имъ весьма щедро, эти выходцы мало заботились о тѣхъ дѣлахъ и обязанностяхъ, ради которыхъ они были призваны, а занимались больше устройствомъ своей карьеры. Всѣ почти гофъ и лейбъ медики того времени, за небольшимъ исключеніемъ, интересовались больше придворными и бюрократическими интригами, въ цѣляхъ быстрой наживы и скорого возвращенія на свою родину. Стремленіе къ усовершенствованію врачебныхъ учреждений, во главѣ которыхъ они случайно очутились, стремленіе къ изученію русской жизни въ ея цѣломъ, проявлялось весьма рѣдко, лишь у отдѣльныхъ иноземныхъ врачей, какъ исключеніе. Правда, нѣкоторые изъ этихъ врачей сочиняли на латынскомъ языкѣ трактаты въ духѣ тогдашней схоластической медицины, не мало осмѣянной Мольеромъ. Но и такіе случаи встрѣчались не особенно часто. Я не буду останавливаться на подробной оцѣнкѣ иноземныхъ врачей 18-го столѣтія, укажу лишь на то, что русская художественная литература минувшаго 19-го столѣтія также не обошла ихъ молчаніемъ и типически изобразила послѣднихъ могикановъ изъ иноземныхъ врачей въ лицѣ Гоголевскаго Христіана Христіановича, вся функція котораго выражалась въ произношеніи буквъ А и Э, а также въ лицѣ безымянныхъ врачей, фигурирующихъ у Л. Толстого въ произведеніяхъ „Дѣтство и Отрочество“ и „Война и Миръ“, гдѣ безымянный врачъ нѣмецъ рассказываетъ въ диванной комнатѣ нѣмецкія сказки, отъ которыхъ барскія дѣти помираютъ со смѣху, а другой врачъ выгоняется княземъ Болконскимъ изъ кабинета со словами: „вонъ, шпионъ Бонапарта“.

При преемникахъ Петра Великаго военно-врачебная часть не только не получила дальнѣйшаго развитія, но наоборотъ,

пришла даже въ нѣкоторый упадокъ. Иноземные врачи, служившіе въ арміи, мало заботились о санитарныхъ условіяхъ солдатской жизни, да и среди командировъ частей не придавали ихъ службѣ особеннаго значенія. Военные госпитали также не пользовались особенной популярностью, какъ видно изъ поученій Суворова, въ которыхъ онъ выразился: „Въ госпиталяхъ одинъ умираетъ, а десять хлеблютъ его смертный дыхъ“. Правда, въ царствованіи Екатерины сдѣланы были многія преобразованія по народному здраво-охраненію; въ Петербургѣ была основана хирургическая школа; но эти преобразованія мало касались военной медицины. Неудовлетворительность военныхъ госпиталей, надо думать, отчасти зависѣла и отъ того, что они содержались на вычетахъ изъ жалованья военно-служащихъ. При Павлѣ I дошло до того, что не было ни одного военного госпиталя, въ которомъ можно было бы размѣстить 200 больныхъ. Злоупотребленія и небрежность старшихъ врачей и госпитальной администраціи вызвали высочайшее повелѣніе о назначеніи особыхъ военныхъ инспекторовъ надъ госпиталями. Немалымъ тормозомъ, задержавшимъ дальнѣйшее развитіе военной медицины, служило также и то обстоятельство, что военно-врачебное дѣло и военные врачи долго находились въ распоряженіи двухъ вѣдомствъ, военного и внутреннихъ дѣлъ. Помѣщеніе, пища и одежда для больныхъ солдатъ снабжались военнымъ начальствомъ; лѣкарства и другія врачебныя потребности, а также и врачебный персоналъ находились въ вѣдѣніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Подобная двойственность порождала массу столкновеній и трудно-примиримыхъ недоразумѣній въ ущербъ интересамъ здоровья русской арміи. Нерѣдко начальники войсковыхъ частей жаловались на дурное качество лекарствъ и на нерадѣіе врачей; а послѣдніе, въ свою очередь, ссылались на недостатки помѣщенія больныхъ и на ихъ скудное продовольствіе. Разбирательство подобныхъ взаимныхъ жалобъ продолжалось обыкновенно очень долго. Въ докладѣ объ этомъ Императору Александру 1-му приводятся слѣдующіе мотивы. — Инспектора врачебныхъ управъ, коимъ поручается изслѣдованіе жалобъ, лишены возможности надлежащимъ образомъ исполнить сію обязанность; время длится, и люди гибнутъ жертвами несогласія между военнымъ начальникомъ и лекаремъ. Благодаря внимательному и сочувственному отношенію Императора Александра 1-го къ судьбѣ больныхъ и раненыхъ русской арміи, вся военно-врачебная часть подверглась кореннымъ преобразованіямъ. Для подъема военно-

врачебныхъ знаній былъ учрежденъ медицинскій совѣтъ. Военная медицина, подчиненная до того времени двумъ вѣдомствамъ, была отдѣлена отъ гражданскаго медицинскаго управленія и раздѣлена на сухопутную и морскую. При разработкѣ положенія объ управленіи дѣйствующей арміей дано было также и врачебной части новое направленіе. Согласно этому положенію предполагалось имѣть при формируемой арміи подвижные и временные госпитали. Первые должны были обслуживать армію во время похода, а послѣдніе за линіей подвижныхъ госпиталей. Подвижные госпитали открывались по усмотрѣнію главнокомандующихъ арміей, временные по усмотрѣнію военнаго Министра. Для заготовленія госпитальныхъ запасовъ, медикаментовъ, врачей и прислуги принималось за норму, что число больныхъ должно составлять десятую часть наличнаго состава арміи. На каждые 200 больныхъ предполагалось имѣть одного врача и при немъ шесть лекарскихъ учениковъ. На продовольствіе больныхъ во время транспортировки составленъ былъ проектъ контракта съ подрядчиками. Императоръ, утверждая этотъ проектъ, прибавилъ: „если подрядчикъ будетъ доставлять припасы неисправно, то отдать его подъ военный судъ“. Такъ какъ предъ войной 1812 года былъ въ арміи большой недостатокъ въ военныхъ врачахъ, то для пополненія комплекта пришлось выписывать много иностранныхъ врачей. Большею частью недоучившіеся подлекари произволились, по милости военнаго начальства, въ штабъ-хирурги. Таково было въ общихъ чертахъ состояніе военной санитаріи ко времени войны 1812 года. Явились ли въ этой кампаніи какіе либо усовершенствованія и улучшенія санитарно-врачебныхъ условій, выразилась ли врачебная помощь больнымъ и раненымъ воинамъ этой кампаніи въ болѣе интенсивной и болѣе умѣлой формѣ, укажутъ намъ тѣ факты, о которыхъ я буду имѣть честь здѣсь говорить.

Свѣдѣнія по намѣченному вопросу въ отрывочномъ видѣ разсѣяны въ различныхъ сочиненіяхъ и въ обширной мемуарной литературѣ, оставленной намъ участниками этой кампаніи, а въ особенности врачами, какъ ближайшими наблюдателями и дѣятелями въ сферѣ врачебно-санитарныхъ условій воевавшихъ армій, какъ: Деженетомъ, Перси, Ларреемъ, Киркгофомъ, Буржуа, Лемазурье, фонъ-Шереромъ, де-ла-Флизомъ и Роосомъ. Само собою разумѣется, что на основаніи этихъ источниковъ, строго говоря, можно теперь составить себѣ лишь только общее понятіе о гос-

подствовавшихъ тогда заболѣванійхъ, о главнѣйшихъ и ближайшихъ этиологическихъ моментахъ, способствовавшихъ развитію и распространенію различныхъ болѣзней. Что же касается діагноза различныхъ господствовавшихъ тогда формъ заболѣваній, то по этимъ свѣдѣніямъ, соответствующимъ тогдашнему состоянію врачебныхъ знаній, едва ли возможно теперь точно ихъ установить, такъ какъ правильной, научно-обоснованной регистраціи больныхъ еще не было, общихъ, систематически-составленныхъ санитарныхъ отчетовъ также не существовало. Да и сама дифференціальная діагностика стала разрабатываться лишь только со второй половины 19-го столѣтія, благодаря развитію и успѣхамъ патологической анатоміи и появленію новыхъ всевозможныхъ физико-химическихъ и бактериологическихъ методовъ изслѣдованій. Поэтому, изъ имѣющейся литературы, я приведу здѣсь лишь тѣ факты, которые уже сдѣлались достояніемъ компетентныхъ писателей по этому вопросу.

Шестисотъ-тысячная масса бойцовъ, временно объединенная огромнымъ психическимъ обаяніемъ побѣдоноснаго полководца, двинулась въ 1812 году изъ разныхъ провинцій средней европейской территоріи на Россію, какъ на главнаго врага безграничнаго Наполеоновскаго властолюбія. Великая армія названа мною временно объединенной потому, что если ближе разобрать и оцѣнить ее, то она, собственно говоря, представляла собою крайне пестрый конгломератъ самыхъ разнородныхъ элементовъ изъ разнообразныхъ племенъ, нарѣчій и состояній. Рядомъ съ посѣдѣвшими въ бояхъ храбрыми, выносливыми солдатами, въ этой арміи находился также не малый контингентъ юношей, еще не созрѣвшихъ и не подготовленныхъ къ боевой дѣятельности, военной дисциплинѣ, и къ тому еще обладавшихъ наклонностью къ различнаго рода эксцессамъ. Изъ этой великой арміи въ теченіе одного года успѣли вернуться на свою родину одни только жалкіе и ничтожные остатки.

Еще при формированіи этой арміи происходило не мало треній и разногласій между французскимъ интендантствомъ и военно-врачебными дѣятелями. Въ то время, когда французское интендантство, во главѣ котораго находился графъ Дару, сумѣло собрать и расходовать миллиарды на призывъ и вооруженіе новыхъ и новыхъ комплектовъ для пополненія арміи, оно весьма расчетливо и даже скупно расходовало на санитарныя нужды арміи, на улучшеніе организаціи тыла и на сохраненіе здоровья больныхъ

и раненыхъ. Блестящій декоративный фронтъ великой французской арміи, упоенной и восторженной побѣдами своего талантливаго военнаго вождя, представлялъ собою весьма рѣзкій контрастъ съ печальными картинами санитарныхъ условій тыла ея. Весь путь, пройденный великой арміей, представлялъ собою юдоль плача. Въ такъ называемыхъ военныхъ госпиталяхъ не было ни пищи, ни перевязочныхъ средствъ, ни лѣкарствъ для больныхъ и раненыхъ солдатъ; огромное число больныхъ, по отзывамъ врачей, умирало съ голоду. Прославившійся своей гуманностью и энергіей извѣстный лейбъ-хирургъ Наполеона Ларрей выражается въ своихъ мемуарахъ, что только тѣ больные солдаты могли считаться наиболѣе счастливыми, у которыхъ уцѣлѣли ноги, и которые могли передвигаться, чтобы добывать себѣ какую нибудь пищу. Уже начиная со времени ускореннаго марша союзной французской арміи отъ Вислы до Нѣмана, въ рядахъ ея стали являться спорадическіе случаи пятнистаго тифа и нутужнаго кроваваго поноса, которые, при дальнѣйшемъ наступательномъ движеніи, стали все болѣе и болѣе усиливаться и принимать эпидемическій характеръ. На переходѣ отъ Ковны до Вильны стали являться весьма серьезныя продовольственныя затрудненія. Русскія войска, квартировавшія въ этомъ районѣ, по единогласно задуманному плану обороны, сожгли всѣ имѣвшіеся тамъ запасы и магазины. При скопленіи такой огромной массы войска на маленькомъ пространствѣ не было никакой возможности соблюдать необходимыя для арміи санитарныя условія. Засѣяныя поля были истоптаны. Деревья были срублены для разведенія бивуачныхъ огней. Деревни и села были въ нѣсколько часовъ расхищены, опустошены и уничтожены безъ всякой пользы для самого войска. Напуганные жители разбѣжались. Обозы не успѣвали за ускореннымъ движеніемъ арміи. Оказался огромный недостатокъ въ фуражѣ. Лошадей стали кормить зеленымъ овсомъ, отчего явился на нихъ сильный падежъ, на одномъ переходѣ отъ Ковны до Вильны пало около 10000 лошадей. Разложившіеся трупы павшихъ лошадей не мало способствовали порчѣ воздуха, подъ влияніемъ котораго, вѣроятно, и увеличилось число заразныхъ болѣзней. Состоявшій при кавалерійскомъ отрядѣ докторъ Роосъ, которому приходилось бывать на главномъ пути наступленія и на флангахъ, съ объективной наблюдательностью весьма мѣтко излагаетъ факты, характеризующіе неорганизованность тыла французской арміи. Едва вступила

армія на русскую территорию, снабдили солдатъ косами и серпами для фуражировки на поляхъ и лугахъ мирныхъ жителей. Все расхищалось, даже ледъ изъ ледниковъ мирныхъ жителей нагружался на вьючныхъ лошадей. Для утоленія жажды другъ другу передавали куски набраннаго льда. Такимъ образомъ, съ первыхъ шаговъ французской арміи на русской территоріи началось страшное опустошеніе, которое послужило крупнымъ этиологическимъ факторомъ для развитія повальныхъ заболѣваній. За короткий срокъ ускореннаго маршеваго движенія отъ Ковны до Вильны, въ теченіе какихъ нибудь 3-хъ, 4-хъ дней, насчитывалось уже около 5000 заболѣвшихъ натужнымъ поносомъ и, такъ называвшейся тогда, желчной лихорадкой. Для леченія этихъ больныхъ, по увѣренію находившагося тамъ врача Лемазурье, кромѣ рисовой воды и плохой водки ничего не было въ распоряженіи врачей. Полковыя аптеки и другіе врачебные запасы находились еще за Нѣманомъ. При вступленіи въ Вильну, описываетъ главный врачъ военныхъ госпиталей французской арміи Керкгофъ, въ церквахъ были размѣщены различные госпитали, устройство которыхъ, не смотря на начало кампаніи, уже было крайне неудовлетворительное. Въ этихъ импровизированныхъ госпиталяхъ не было кроватей, сѣстныхъ припасовъ и медикаментовъ въ достаточномъ количествѣ. Да и сами помѣщенія по своему объему не соотвѣтствовали количеству, поступавшихъ туда больныхъ. При дальнѣйшемъ маршевомъ движеніи изъ Вильны, погода въ началѣ была пасмурная, дождливая, за которой наступили сильныя жары при недостаткѣ питьевой воды. Пища состояла главнымъ образомъ изъ лепешекъ, наскоро испеченныхъ самими солдатами изъ плохо смолоченной ржаной муки; такъ какъ всѣ мельницы были разрушены, французы не имѣли возможности использовать найденный въ странѣ зерновой хлѣбъ. При обратномъ же отступленіи французовъ около Смоленска нашлись уже ручныя мельницы, присланныя изъ Франціи; но онѣ оказались безполезными, такъ какъ зернового хлѣба не было. Докторъ Роосъ въ своемъ дневникѣ описываетъ картину, какъ на привалахъ и ночлегахъ истощенные и голодные офицеры и солдаты трудились и молили случайно найденное ими зерно, чтобы получить муку для приготовленія похлебки или лепешекъ. Въ результатъ такого неудовлетворительнаго питанія явилось среди солдатъ огромное число гастрическихъ расстройствъ. Съ военными врачами, по словамъ Керкгофа, нигдѣ не совѣтовались по поводу причинъ

этихъ заболѣваній. Маркизь де-Шамбрай также рассказываетъ о широкомъ распространеніи поносовъ и дизентеріи по пути наступленія французовъ отъ Вильны до Витебска, Смоленска и вплоть до Москвы. По массовому распространенію этихъ поносовъ, Шамбрай называетъ ихъ заразительными, и при этомъ прибавляетъ, что эти поносные больные были уже потеряны для арміи, такъ какъ въ арміи былъ большой недостатокъ во врачахъ и медикаментахъ и полное неблагоустройство лечебныхъ заведеній. Докторъ Роостъ, описывая находчивость солдатъ по слѣдамъ колесъ и лошадиныхъ копытъ узнавать, какіе отряды проходили, свои или непріятельскіе, между прочимъ говоритъ, что лагерныя стоянки французскихъ отрядовъ отличались тѣмъ, что онѣ кругомъ были загрязнены жидкими экскрементами людей и лошадей. Съ 20-го Іюля по 17-ое Сентября господствовала сухая погода; несносная жара рѣдко перемежалась дождемъ. Питьевая вода была дурного качества; такъ какъ, по стратегическимъ причинамъ, многимъ французскимъ отрядамъ приходилось бивуакировать вдали отъ источниковъ водоснабженія то такимъ образомъ число больныхъ натужнымъ поносомъ и дизентеріей значительно увеличилось. Многие молодые солдаты отъ истощенія умирали на пути слѣдованія. 25-го Іюля произошло сраженіе при Островнѣ, а 28-го Іюля, между быстро-сгнившими трупами убитыхъ, Керкгофъ нашелъ еще живыхъ, окончательно истощенныхъ и заморенныхъ раненыхъ. По Лемазурье и Керкгофу число больныхъ въ это время достигало 80000. Всѣ госпитали были настолько переполнены, что не хватало соломы для подстилки. Послѣ занятія Французами Витебска были устроены госпитали, гдѣ были также помѣщены 800 плѣнныхъ русскихъ раненыхъ, и эти госпитали, при недостаткахъ французской военной администраціи, представляли собою гнѣздо заразы; среди огромнаго числа поносныхъ было также много и тифозныхъ больныхъ. 18-го Августа, послѣ кровопролитнаго боя, французами былъ занятъ Смоленскъ. Многие раненые сгорѣли во время пожара и многие погибли подъ развалинами домовъ. Въ Смоленскѣ были устроены госпитали на 10 тысячъ больныхъ, но эти госпитали оказались только очагами заразы; вслѣдствіе скученности и недостаточнаго ухода развились госпитальная гангрена и тифъ въ широкихъ размѣрахъ. Приближаясь къ Москвѣ, французская армія въ лицѣ ея представителей рассчитывала и мечтала, что наступитъ конецъ ея страданіямъ и мытарствамъ. Но 7-го Сентября разыгралось жестокое побоище подъ Бороди-

нымъ. 1200 орудій не переставали гремѣть и работать въ теченіи 2-хъ сутокъ, и въ результатѣ получилось 35000 убитыхъ и раненыхъ, которые сдѣлались жертвой голода, холода, гангрены и тифа. Голодъ былъ настолько силенъ, что многіе раненые, которые были въ состояніи двигаться, бродили по полю битвы и отыскивали въ ранцахъ убитыхъ товарищей хлѣбнаго раціона. При дальнѣйшемъ слѣдованіи арміи по разоренной и опустошенной мѣстности, несмѣтное число больныхъ и раненыхъ очутилось въ самыхъ отчаянныхъ условіяхъ. Въ распоряженіи больныхъ, имѣвшихъ возможность двигаться, была только плохая конница отъ заморенныхъ и палыхъ лошадей и загрязненная питьевая вода. 14-го Сентября французская армія добралась до Москвы, а на 2-ой день, т. е. 15-го начался огромный пожаръ, уничтожившій всѣ хранившіеся въ Москвѣ съѣстные запасы, которыхъ можетъ быть хватило бы для арміи на всю зиму. Во время пребыванія въ Москвѣ, французская армія предавалась грабежу и различнымъ эксцессамъ, которые окончательно подорвали дисциплину уцѣлѣвшихъ остатковъ этой арміи. Правда, больные и раненые на первыхъ порахъ нашли въ большихъ Московскихъ госпиталяхъ хорошій пріютъ и благоприятную, для ухода за ними, обстановку, но вскорѣ число больныхъ стало нарастать и достигло до 15 тысячъ. Еще труднѣе стали условія для многихъ отрядовъ и командъ, когда пришлось въ холодныя ночи бивуакировать подъ открытымъ небомъ въ различныхъ пунктахъ за Москвою и кругомъ ея. По словамъ врача Керкгофа, состоявшаго все время похода при 3-мъ корпусѣ, численность послѣдняго съ 43000 сократилась при вступленіи въ Москву до 12000 наличнаго состава. Въ разстроенной, до нельзя деморализованной французской арміи, при обратномъ движеніи изъ Москвы заболѣваемость еще больше стала прогрессировать. Взрывъ Московскаго Кремля, стоившій жизни многимъ обывателямъ, погибшимъ подъ его развалинами, пожары, грабежи, вызвали всеобщее ожесточеніе среди населенія, такъ что приходилось возить съ собою при отступленіи всѣхъ больныхъ, за исключеніемъ только 3-хъ тысячъ больныхъ, которые, по своему тяжелому состоянію, уже не подлежали никакому транспорту. Перевозка больныхъ и раненыхъ совершалась самымъ примитивнымъ образомъ. Нагруженные въ беспорядкѣ на пустахъ, изъ подъ пороха и маркитантскаго груза, телѣгахъ, больные эти погибали отъ холода и голода. Вслѣдствіе изрытыхъ и испорченныхъ дорогъ, изнуренныя лошади падали, и тогда телѣги

съ больными бросались на произволъ судьбы, или сами возницы, при невозможности продолжать дальнѣйшее движеніе, выбрасывали больныхъ въ первыя попавшіяся канавы.

При отступленіи французовъ къ Можайску и Вязьмѣ, температура стала понижаться. Уныніе, упадокъ духа и физическихъ силъ настолько овладѣли арміей, что многіе побросали оружіе и бродили по боковымъ дорогамъ, чтобы добывать себѣ какую нибудь пищу и спастись отъ голодной смерти. Обозы со съѣстными припасами не могли двигаться за отрядами вслѣдствіе испорченныхъ дорогъ и крайняго истощенія лошадей. Съ уменьшеніемъ жизненныхъ припасовъ было особенно печально положеніе русскихъ плѣнныхъ, взятыхъ съ собою французами при началѣ отступленія. Изнемогая отъ голода, русскіе плѣнные падали по дорогамъ и французы добивали ихъ на смерть. Докторъ Роосъ рассказываетъ, что при отступленіи французовъ изъ Москвы на Гжатскъ, русскіе плѣнные находились при багажѣ и походной кухнѣ Наполеона подъ наблюденіемъ Баденскихъ гренадеръ, которымъ отданъ былъ суровый приказъ, немедленно разстрѣливать всякаго отсталого русскаго плѣннаго. Двигаясь со своей частью непосредственно за этимъ отрядомъ, докторъ Роосъ въ теченіе одного дня, насчиталъ 8 труповъ этихъ плѣнныхъ. Съ приближеніемъ французской арміи къ Смоленску наступили болѣе сильныя морозы. Въ теченіе 10 дневнаго перехода по замерзшему и снѣжному пути отъ Москвы до Смоленска, французская армія лишилась еще 15 тысячъ человѣкъ. Врачи Лемазурье, Керкгофъ и Роосъ, находившіеся при своихъ частяхъ и подвергавшіеся одинаковымъ съ ними лишеніямъ, высказываютъ единогласно, что трудно поддаются описанію тѣ невзгоды и бѣдствія, которыя обрушились на отступающую французскую армію. Многіе ожидали и рассчитывали, что въ Смоленскѣ изнеможенная армія найдетъ какое нибудь пристанище для отдыха и возстановленія силъ, но наступило жестокое разочарованіе. Въ самомъ Смоленскѣ нахлынула и столпилась громадная масса голодныхъ, безоружныхъ и отсталыхъ солдатъ. Съѣстныхъ припасовъ оказалось весьма мало и оборванные, голодные солдаты, потерявшіе всякое чувство военнаго долга и всякій человѣческій обликъ, кидались на все, что могло утолить терзавшій ихъ голодь. Втеченіе одной ночи съ 28-го на 29-ое Октября солдаты зарѣзали и съѣли 215 фушштатскихъ лошадей.

Голодные солдаты толпились безуспѣшно по цѣлымъ суткамъ около запасныхъ магазиновъ, чтобы добывать себѣ хлѣба или муки. Многіе врывались въ магазины силой и уносили муку и водку, прокладывая себѣ дорогу штыками и саблями. Докторъ Роосъ весьма обстоятельно и подробно зарегистрировалъ, какъ во многихъ командахъ при обратномъ отступленіи приготавлилась похлебка изъ немолотого зерна, какъ въ эту похлебку, за неимѣніемъ соли и жира, прибавляли порохъ и салыныя свѣчи, и какъ подобный способъ питанія вліялъ на здоровье офицеровъ и солдатъ. Мясо добывалось весьма варварскими приемами. На пути слѣдованія, не останавливаясь, прокалывали грудь у лошадей, которыя продолжали двигаться до полного изнеможенія, и въ моментъ паденія лошади тутъ же набрасывались и у полуживой лошади вырѣзывали себѣ куски мяса. Люди, говоритъ Роосъ, имѣли отвратительную, грязную, разбойничью и звѣрскую наружность. Между ними происходили постоянныя ссоры, взаимное озлобленіе и драки, и проявленіе самыхъ звѣрскихъ инстинктовъ изъ за ничтожныхъ причинъ. Ему случилось видѣть, какъ одинъ обозный солдатъ разрубилъ черепъ у своего товарища за ломоть хлѣба. Около Смоленска доктору Россу пришлось пройти чрезъ одну долину, гдѣ у потухшаго костра лежало больше 300 замерзшихъ солдатъ, принадлежавшихъ, по своему обмундированію, къ различнымъ войсковымъ частямъ. Въ Смоленскѣ оказалось около 20000 тифозныхъ и дизентериковъ. Смоленскіе госпитали, заваленные тысячами больныхъ, не имѣли даже самыхъ необходимыхъ вещей. вмѣсто холста употреблялась старая бумага, взятая изъ архивовъ и присутственныхъ мѣстъ. Больные валялись безъ всякаго ухода и призрѣнія, такъ какъ находившіеся въ Смоленскѣ врачи и госпитальный служебный персоналъ собирались уходить вмѣстѣ съ отступающей арміей. Оставивши въ Смоленскѣ многія тысячи больныхъ и раненыхъ, французская армія продолжала свое отступленіе, и положеніе ея, вслѣдствіе усилившихся морозовъ, было еще ужаснѣе. По достиженіи Могилевской губернии правильная раздача хлѣбнаго раціона прекратилась, даже и для двигающихся вооруженныхъ частей, не говоря уже объ отсталыхъ, покидавшихъ свои знамена. Но самымъ ужаснымъ моментомъ для отступающей французской арміи была трагическая переправа ея чрезъ Березину. вмѣсто прежнихъ грозныхъ Наполеоновскихъ легионовъ, привыкшихъ къ торжествующимъ побѣдамъ, явилась на Березину жалкая, нестройная куча

людей въ плохихъ, разорванныхъ костюмахъ, состоявшихъ изъ дамскихъ салоповъ, священническихъ ризъ, ноги у нихъ для защиты отъ холода были завернуты рогожами, обрывками ковровъ и войлокомъ. Ихъ блѣдныя, изнуренныя лица, обросшія бородами, всклокоченные волосы, все это указывало на цѣлый рядъ перенесенныхъ ими лишеній. Мосты на Березинѣ были сожжены отступающими французами. Докторъ Роосъ, очутившись въ этой толпѣ, два дня стремился попасть на одинъ изъ двухъ мостовъ, чтобы переправиться на другой берегъ, но это ему вслѣдствіе сильнаго наплыва и происходившей отчаянной давки не удалось, и онъ попалъ въ плѣнъ. Тысячи больныхъ и раненыхъ и масса отсталыхъ были брошены. Многіе изъ нихъ, которые были въ состояніи двигаться, блуждали по берегу въ отчаяніи, кидались къ пылающимъ мостамъ которые обрушивались подъ ихъ тяжестью. Многіе пытались пробраться на другой берегъ по льду, который сталъ между мостами, и погибли, сдавленные между льдинами. Пространство, описываетъ Роосъ, около квадратной версты тѣсно уставлено было экипажами, фургонами и повозками, между которыми лежали кучи мертвыхъ тѣлъ, ползали раненые и умирающіе, бродили голодные полузамерзшіе. Морозы достигали 20°R. Многіе голодные выпрашивали у русскихъ солдатъ, какъ милость, кусокъ хлѣба. Русские сухари продавались дорогой цѣной. Офицеры предлагали за кусокъ хлѣба сохранившіяся у нихъ драгоценныя вещи. Многіе изъ русскихъ солдатъ, побуждаемые чувствомъ состраданія, дѣлились съ непріятелями послѣдними крохами. Потери французской арміи на переправѣ чрезъ Березину, по мнѣнію Шамбрая, Фена, Сегюра, достигали приблизительно отъ 35 до 40 тысячъ человѣкъ. Большая дорога, по которой отступала французская армія, была устлана трупами и умирающими. Вся масса отступающихъ французовъ бродила безъ всякой военной выправки, обезоруженная и была совершенно неузнаваема. Среди тысячи двигающихся солдатъ не слышно было никакого говора, кромѣ стоновъ, исторгаемыхъ страданіями. Въ такомъ печальномъ видѣ французская армія добралась до Вильны, гдѣ она очутилась еще въ худшихъ условіяхъ. Вильна въ это время представляла изъ себя одно только тифозное гнѣздо. Изъ 30000 плѣнныхъ французовъ умерло въ теченіе двухъ мѣсяцевъ 25000 (85%). Среди мѣстнаго еврейскаго населенія изъ 30000 жителей умерло 8000 отъ тифа. Въ госпиталяхъ не было соломы для подстилки, не было дровъ для

мало-мальскаго согрѣванія палатъ. Больные валялись на голомъ полу, въ холодныхъ и сырыхъ помѣщеніяхъ, не только безъ всякаго призрѣнія, но и безъ пищи и воды. Въ госпиталѣ Св. Ігнатія на глазахъ у врача (Gasc) въ теченіе короткаго времени цѣликомъ вымирали 3 раза большія палаты, помѣщавшія въ себѣ по 50 и больше больныхъ. Вскорѣ появилась тифозная эпидемія и въ окрестныхъ деревняхъ и селахъ по всей Литвѣ, куда была занесена отступающими отрядами. О какой либо врачебной помощи въ борьбѣ со свирѣпствующей эпидеміей и рѣчи не было. Правда, нѣкоторые врачи увлекались господствовавшими тогда воззрѣніями и лечили кровопусканіемъ; но это лечение ускоряло только смертельные исходы. 9-го Декабря въ окрестностяхъ Вильны появились русскіе отряды, и остатки французской арміи вынуждены были продолжать отступление къ Нѣману.

Въ pendant къ изложеннымъ этиологическимъ условіямъ, гибельно повліявшимъ на состояніе великой французской арміи, не безъинтересно также выяснить, каково было личное отношеніе самого Наполеона къ участи больныхъ и раненыхъ своей арміи. Отношеніе это можетъ быть характеризовано по нѣкоторымъ, дошедшимъ до насъ, фактамъ. Еще во время Египетскаго похода генераль Бонапарте относился весьма индифферентно къ судьбѣ своихъ больныхъ и раненыхъ. Мало того, при обратномъ движеніи изъ Сиріи, послѣ чумной эпидеміи, когда у него въ отрядѣ осталось еще 30 человѣкъ чумныхъ больныхъ, онъ призвалъ своего главнаго доктора Деженета и предложилъ ему отравлять этихъ больныхъ опиумомъ, для того, чтобы эти больные не мѣшали при дальнѣйшемъ движеніи отряда. На это предложеніе Деженетъ разумѣется, по своимъ гуманитарно-моральнымъ убѣжденіямъ, не могъ согласиться. Несогласіе Деженета подтверждается уже тѣмъ фактомъ, что для поднятія духа и успокоенія своихъ чумныхъ больныхъ, Деженетъ даже вприснулъ себѣ въ подкрыльцовую область гной, взятый изъ нарыва чумнаго больного, а по требованію другого чумнаго больного Деженетъ выпилъ съ нимъ воду изъ одного стакана. Наполеонъ послѣ этого отказа перемѣнилъ свое прежнее расположеніе къ этому врачу, хотя впоследствии Наполеонъ все таки бралъ его съ собою въ дальнѣйшіе походы. При отступленіи французской арміи изъ Россіи Деженетъ былъ взятъ въ плѣнъ, но такъ какъ онъ былъ извѣстенъ своимъ гуманнымъ обращеніемъ съ русскими ранеными, онъ былъ немедленно освобожденъ и препровожденъ подъ

охраной во французскую армию. По окончаніи неудавшейся экспедиціи, вслѣдствіе убыли людей отъ чумы и эпидемическаго воспаленія глазъ, Наполеонъ передалъ командованіе другому генералу, а самъ тайно уѣхалъ во Францію. Тоже самое онъ сдѣлалъ, послѣ своихъ неудачныхъ походовъ въ Россію, подъ Лейпцигомъ и Ватерлоо.

Насколько Наполеонъ былъ освѣдомленъ, пунктуаленъ и требователенъ по выполненію всѣхъ его тактическихъ и стратегическихъ плановъ, настолько онъ былъ чуждъ и несвѣдущъ относительно санитарныхъ нуждъ своихъ солдатъ. Главный врачъ французской армии Перси, боровшійся всю жизнь за интересы здоровья солдата, рассказываетъ, что на широкой громадной позиціи при укрѣпленіи Сегюромъ береговъ Нѣмецкаго моря, Наполеонъ замѣтилъ, что въ одномъ мѣстѣ, въ Остенде, позади шоссе, не хватало, согласно диспозиціи, двухъ орудій, и въ тоже время онъ, на примѣръ, не зналъ, сколько у него въ армии военныхъ врачей. Изъ писемъ только что упомянутаго доктора Перси къ маршалу Дюроку также видно, что положеніе военныхъ врачей во французской армии было весьма незавидное и даже печальное. Многіе врачи-участники 5—6 военныхъ походовъ, какъ только миновала въ нихъ надобность, благодаря стараніямъ интендантской администраціи увольнялись со службы, безъ всякаго жалованья. При новой же конскрипціи, эти же врачи опять призывались уже въ качествѣ простыхъ солдатъ. За уклоненіе врачей отъ подобной служебной метаморфозы ихъ предавали суду и судили какъ дезертировъ. Въ виду постоянной убыли врачей, погибавшихъ въ госпиталяхъ отъ заразныхъ болѣзней и отъ полученныхъ на поляхъ сраженія ранъ, докторъ Перси предложилъ организовать корпусъ хирурговъ для армии (*corps militaire de chirurgien des armées*), но это было отклонено Наполеономъ. Перси также много хлопоталъ объ учрежденіи специальной команды носильщиковъ для уборки раненыхъ, и это также не увѣчалось успѣхомъ. Не смотря на то, что личность доктора Перси считалась, выдающейся для своего времени академической величиной, онъ вынужденъ былъ на время выйти въ отставку. Припоминая имя Перси для характеристики тогдашняго состоянія военно-врачебнаго дѣла, нельзя также не указать на то, что онъ первый примѣнялъ въ хирургіи резекцію плечевого сустава, взамѣнъ практиковавшагося прежде удаленія всей верхней конечности при пораженіяхъ плеча. Кромѣ того Перси от-

личался горячимъ патріотизмомъ и былъ настолько преданъ своей врачебно-санитарной дѣятельности во французской арміи, что онъ отказался отъ блестящаго предложенія князя Потемкина прѣхать въ Россію для организациі военной санитаріи въ русской арміи. Кромѣ того Перси стремился создать международную помощь больнымъ и раненымъ, о чемъ онъ составилъ проектъ и предложилъ его многимъ вліятельнымъ генераламъ. Проектъ этотъ, по своей идеѣ, аналогиченъ принципу, выработанному позднѣе женевской конвенціей. Но Наполеонъ игнорировалъ все то, что относилось къ облегченію участи больныхъ и раненыхъ, и мысль эта тогда еще не осуществилась.

Лучшій другъ Наполеона извѣстный лейбъ-хирургъ его Ларрей находился при немъ безотлучно въ теченіе 18 лѣтъ. Самъ Наполеонъ въ своихъ запискахъ выразился, что онъ за всю свою жизнь никогда не встрѣчалъ болѣе добродѣтельнаго человѣка, чѣмъ Ларрей. И что же! въ своихъ мемуарахъ, которые названы критикой героической поэмой въ прозѣ, Ларрей низводитъ Наполеона до нуля за его равнодушное отношеніе къ судьбѣ раненыхъ и больныхъ своей арміи. При отъѣздѣ Наполеона изъ Россіи, Ларрей не послѣдовалъ за нимъ и предпочелъ остаться при французской арміи, сопровождалъ ее пѣшкомъ и оказывалъ врачебную помощь нуждающимся въ ней больнымъ. Какъ неутомимый филантропическій труженикъ, участвовавшій въ 25 походахъ и 75 сраженіяхъ, Ларрей стремился къ осуществленію трехъ основныхъ принциповъ военно-санитарнаго дѣла, а именно: быстрой эвакуациі больныхъ и раненыхъ, учрежденія летучихъ подвижныхъ лазаретовъ (*ambulance volante*) и нейтрализаціи на войнѣ раненыхъ. Но эти великія идеи начали реализовываться лишь только въ новѣйшее время, со 2-ой половины 19-го столѣтія. Въ кампаніи же 1812 года, эти санитарные принципы не получили фактическаго, реальнаго примѣненія. Не взирая на близкія отношенія Наполеона къ Ларрею, послѣднему, послѣ долгихъ и настойчивыхъ стараній, удалось организовать эти летучія амбулансы только при французской гвардіи, въ другихъ же частяхъ арміи больные и раненые долго оставались на поляхъ битвъ и были предоставлены произвольнымъ случайностямъ.

Директоръ Французскихъ военныхъ госпиталей Гапдъ, какъ очевидецъ, описываетъ печальную картину обстановки раненыхъ подъ Люценомъ и Эйлау и отношеніе къ нимъ Наполеона. „Улицы, ведущія ко дворцу, были усыяны мертвыми и умирающими.

Собственный экипажъ побѣдителя давилъ и сокрушалъ все, встречающееся на пути его. Дворъ замка, гдѣ остановился Наполеонъ, переполненъ былъ ранеными. „Избавьте меня отъ этого зрѣлища“ воскликнулъ Наполеонъ, выходя изъ кареты. Для исполненія этого повелѣнія, немедленно явились фургоны, куда нагрузили живыхъ и мертвыхъ, безъ разбора, и изъ 800 бывшихъ тамъ раненыхъ доставлены въ разные госпитали живыми только всего 150 человекъ.“

Извѣстенъ также всѣмъ отвѣтъ Наполеона Метерниху, который, предлагая ему миръ, приводилъ доводомъ огромныя потери людей, какихъ бы потребовалось при продолженіи войны. „Въ Васъ нѣтъ души солдата, Вы не научились презирать чужую жизнь. Что значитъ для меня двѣсти тысячъ человекъ?“ отвѣтилъ Наполеонъ.

Въ специальныхъ сочиненіяхъ по исторіи военного искусства вопросъ объ участи раненыхъ на войнѣ обыкновенно обходится молчаніемъ. Но извѣстный военный писатель генералъ фонъ Клаузевицъ, въ своемъ критическомъ разборѣ кампаніи 1812 года, даетъ намъ выводы, имѣющие весьма близкую и тѣсную связь съ врачебными условіями этого похода. Въ числѣ главнѣйшихъ причинъ гибели французской арміи Клаузевицъ отмѣчаетъ слѣдующія:

1) Черезмѣрное, форсированное, маршевое движеніе (120 миль въ теченіе 81 дня) лишило возможности реконвалесценто́въ изъ больныхъ и раненыхъ, а также и переутомленныхъ отъ походной жизни солдатъ возвращаться обратно въ ряды арміи.

2) постоянное бивуакированіе.

3) Неблагопріятная погода въ первое время вторженія французской арміи.

4) Недостаточное обезпеченіе арміи провіантомъ, такъ что, не достигши еще Витебска, уже приходилось отпускать солдатамъ муку вмѣсто печенаго хлѣба.

5) Сильная лѣтняя жара въ мѣстностяхъ со скудными источниками водоснабженія.

6) Быстрота и натискъ, какъ отличительная черта Наполеоновской тактики.

7) Огромный недостатокъ въ хорошо организованныхъ лечебныхъ заведеніяхъ, гдѣ больные и раненые могли бы возобновлять свое здоровье и возвращаться къ своимъ частямъ.

Замѣчательно мѣткую характеристику Наполеоновской тактики по отношенію къ интересующему насъ санитарному вопросу, далъ намъ художникъ-писатель Вальтеръ-Скоттъ: „Громадныя, говоритъ онъ, жертвы потребовались со стороны французской арміи, чтобы выполнить всѣ трудности и громадное сподвижничество, которое диктовалось военными комбинаціями и планами Наполеона. Для своевременнаго выполненія заранѣе намѣченныхъ стратегическихъ плановъ и маневровъ, Наполеонъ ни въ какомъ случаѣ недопускалъ никакихъ препятствій и отступленій. Для того что бы какой нибудь отрядъ дошелъ до заранѣе намѣченного пункта и выполнилъ въ точности какое нибудь распоряженіе, ничего не щадилося, ни передъ чѣмъ не останавливались, жертвовалось военными припасами, складами, продовольственными магазинами и даже орудіями, лишь бы только разрѣшилась заранѣе намѣченная задача. Для достиженія намѣченной цѣли въ отрядахъ Наполеона нерѣдко пренебрегались и игнорировались самыя насущныя жизненныя потребности, безъ которыхъ существованіе арміи становится невозможнымъ. Очень часто отряды, въ цѣляхъ быстрого передвиженія, не имѣли ни палатокъ, ни лагерныхъ приспособленій, ни магазиновъ, ни госпиталей и т. п. Солдаты ѣли, спали и умирали гдѣ попало, лишь бы только безостановочно двигаться, бороться и побѣждать. Отсюда понятны тѣ ужасы, которыми сопровождались Наполеоновскія побѣды. Воодушевленные своими побѣдами, солдаты, лишенные нерѣдко самыхъ насущныхъ жизненныхъ потребностей, вынуждены были прибѣгать къ мародерству и грабежу мирнаго населенія; эти грабежи наносили больше вреда жителямъ, чѣмъ пользу солдатамъ. Арміи правда побѣждали, но при этомъ сами таяли и погибали отъ разныхъ лишеній и изнурительныхъ болѣзней“. Очень можетъ быть что такого рода характеристика Вальтеръ-Скотта не вполне согласуется съ теоретическими воззрѣніями нѣкоторыхъ специалистовъ по военному искусству, но зато она вполне подходитъ при оцѣнкѣ военной санитаріи Наполеоновской арміи.

(Окончаніе слѣдуетъ).